ТЕНДЕРЪ ОТВАГА.

Не осталось у насъ теперь во флотѣ бѣломорцевъ, какъ ихъ называли, бѣломорскихъ матросовъ; а звали такъ тѣхъ, которые ходили у насъ еще съ адмираломъ Сенявинымъ въ Бѣлое море, — да не въ Архангельское, не въ наше русское, а въ Грецію да Италію. А было это время славное; кто служилъ тогда во флотѣ, видѣлъ много.

Въ 1807 году, во время войны съ турками, адмиралъ Сенявинъ, взявши островъ Тенедосъ, захватилъ въ гавани нѣсколько турецкихъ купецкихъ судовъ. Въ этомъ числѣ попалось путное одно-мачтовое суденышко, которое удобно было передѣлать на скорую руку въ военное: поправили вооруженіе и оснастку, поставили шесть фалконетовъ, назвали тендеромъ Безименкой и мичманъ Харламовъ принялъ надъ нимъ команду.

Тендеръ Безименка посылался адмираломъ по Архипелагу (по островитому морю) съ разными порученіями; такъ и на

этотъ разъ, когда надъ нимъ встряслась было бѣда, возвращался онъ ночью на 18–е іюня къ Тенедосу и увидѣлъ на пути много огней. Подошедши ближе, онъ узналъ эскадру нашу, отыскивая адмиральскій корабль, онъ однакоже вдругъ очутился подлѣ стопушечнаго корабля, котораго въ эскадрѣ Сенявина не бывало. Безименка догадался, что попалъ не въ свои сани; это былъ турецкій флотъ. Адмиралъ Сенявинъ съ намѣреніемъ отошелъ отъ Тенедоса, чтобы заманить турокъ, а они заняли мѣсто наше у этого острова. Дѣло плохо; а время подходило къ разсвѣту; обознался бѣдняжка на свою голову.

Какъ быть? Не драться стать тендеру съ цѣлымъ флотомъ; а уйти также нельзя: зачесался въ самую середку. Коли сила не беретъ, подумалъ Харламовъ, такъ не попытаться ли обмануть оплошнаго? Возьму грѣха на душу, нечего дѣлать: мундиры долой, ребята, и зипуны долой — а пуще всего фуражки; и нарядилъ всю небольшую команду свою въ бѣлыя рубахи, да напуталъ имъ изъ флагдуку чалмы на

голову. Оставивъ не много людей на верху, приказалъ онъ и тѣмъ сидѣть поджавъ ноги и курить, а флага, разумѣется, не подымалъ.

Разсвѣло — тендеръ нашъ идетъ спокойно съ турецкимъ флотомъ, и никому не вдогадъ. Что будетъ то будетъ — а поколѣ все благополучно. День прошелъ, ночь настала, тендеръ идетъ съ турками; говорится: попалъ въ стаю — лай не лай, а хвостомъ виляй. Куда поведетъ насъ новый флагманъ — думаетъ Харламовъ — не знаю; а до поры пойдемъ за нимъ.

На разсвѣтѣ 19–го іюня вдругъ на вѣтрѣ показался парусъ, другой, третій — это эскадра адмирала Сенявина! Забилось ретивое у Безименки, а молчитъ. Увидавъ турецкій флотъ, эскадра наша тотъ часъ стала спускаться на него полнымъ вѣтромъ; турки начали строиться въ боевой порядокъ, приводить къ вѣтру, а тендеръ нашъ, либо по ошибкѣ не въ ту сторону руля положилъ, либо плохо управился съ парусами, и остался подъ вѣтромъ. Турецкій адмиралъ разсудилъ, что и

впрямъ же не строиться стать тендеру въ линію баталіи, а мѣсто его, какъ у всѣхъ мелкихъ судовъ, подъ вѣтромъ; да только не хорошо, что онъ далеко спустился, могъ бы держаться поближе... но тутъ было не до тендера, когда непріятель на носу и строится къ бою.

Къ осьми часамъ утра эскадра наша подошла на самое близкое разстояніе и открыла огонь; началось сраженіе, весьма не удачное для турокъ и описанное въ книжкѣ этой подъ заглавіемъ: Сраженіе при Аѳонской горѣ, — а тендеръ между тѣмъ въ охабку кушакъ и шапку, да скорѣй домой. Когда адмиралъ Сенявинъ, разбивъ турокъ, воротился опять къ Тенедосу, то тендеръ давно уже стоялъ тамъ на якорѣ, покачивался да посмѣивался. Адмиралъ, за эту удалую шутку, приказалъ тендеру называться Отвагой.

Такимъ образомъ тендеръ этотъ самъ заслужилъ имя свое: родила его мать бусурманка, приняли его плѣннаго и позаботились одѣть и обуть; а когда онъ

показалъ себя на дѣлѣ, такъ его и окрестили и по заслугамъ пожаловали.